

Хабибуллина Лениза Газинуровна
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан
г. Казань, Российская Федерация
valievalg@mail.ru

Уступительные отношения в татарском языке

Аннотация

В данной статье представлены структурные и семантические особенности конструкций, выражающих уступительные отношения в татарском языке. Исследование проводится на материале примеров из текстов художественной литературы и фольклора с применением метода лингвистического описания, структурно-семантического метода. Уступительные отношения и формально, и семантически связаны с каузальными, кондициональными, темпоральными отношениями, обладают комплексной семантикой, поэтому являются наиболее сложными в системе обстоятельственных отношений. В ходе анализа материала установлено, что в семантической структуре уступительности содержится предполагаемое следствие, выражается отсутствие ожидаемого следствия. Таким образом, по своему смысловому содержанию уступительная конструкция является трёхкомпонентной. Одной из особенностей уступительных отношений является наличие в их семантике модальности, так как они, наряду с описанием действительности, передают и позицию говорящего.

Ключевые слова: уступительные отношения, семантическая структура, каузальность, кондициональность, темпоральность, поле, микрополе

© Хабибуллина Л. Г. 2022

Для цитирования: Хабибуллина Л. Г. Уступительные отношения в татарском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С.166–174. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_166

Leniza G. Habibullina
G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
valievalg@mail.ru

Concession relations in Tatar

Abstract

This article presents the structural and semantic features of constructions expressing concession relations in the Tatar language. The research is carried out on the material of examples from the texts of literature and folklore using the methods of linguistic description, modeling and transformation analysis. Concession relations are both formally and semantically related to causal, conditional, temporal relations, have complex semantics, therefore they are the most complex in the system of adverbial relations. The results obtained from the material analysis indicate that the semantic structure of concession contains the expected consequence at the same time expressing the absence of the expected consequence. Thus, according to its semantic content, the concession construction is three-component. One of the features of concessory relations is the presence of modality in their semantics, since they, along with the description of reality, convey the position of the speaker.

Keywords: concession relations, semantic structure, causality, conditionality, temporality, field, microfield

© Habibullina L. G. 2022

For citation: Habibullina, L. G. (2022). Ustupitel'nye otnosheniya v tatarskom yazyke [Concession relations in Tatar]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 166–174. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_166

1. Введение [Introduction]

На современном этапе развития синтаксиса наибольшую актуальность приобретают исследования, посвящённые структурно-семантическому анализу языковых категорий. Уступительность занимает особое место в системе обстоятельственных отношений, является наиболее сложной и семантически многоступенчатой. Неудивительно, что этой тематике посвящены многие работы на материале разных языков мира: славянских, например, русского [Ляпон, 1986; Храковский, 1999; Падучева, 2004; Урысон, 2012; Апресян, 2015], германских, например, немецкого [Ковальчук, Цыбенко, 2020] и, разумеется, тюркских (напр., [Азизова, 1957; Исхакова и др., 2004; Арнаутова, 2012; Ганиев, 2015; Гращенков, 2015; Ефремов, 2015; Озонова, 2015, 2019; Самситова, Сагынбек, 2020]), а также в сравнительно-сопоставительном аспекте двух языков, например, русского и чувашского [Губанов, Рец, 2014], трёх языков, например, русского, английского и немецкого [Архипова, Шустова, 2012, с. 148–164].

Уступительность формируется из двух компонентов: действия, которое препятствует осуществлению другого события, и действия, которое совершается вопреки существовавшему препятствию. Между компонентами такой смысловой конструкции устанавливается противоречие: событие, данное в зависимой части, не выступает основанием для того, чтобы отменить названную в главной части ситуацию.

Одни лингвисты рассматривают уступительность как модификацию причинно-следственных отношений, а именно причина / каузальность + отрицание / противительность [Ляпон, 1986, с. 137; Падучева, 2004, с. 344; Урысон, 2012]; в трудах других исследователей уступительность сближается с кондициональностью [Храковский, 1999] или они противопоставляются как реальное и предполагаемое / ирреальное [Азизова, 1952; Кононов, 1960, 1980]. М. В. Ляпон рассматривает уступительность как нереализованную обусловленность: «сообщаемое в одной части предстаёт как потенциальная причина, отвергнутое основание (неблагоприятное условие, препятствующее обстоятельство и т. п.), т. е. так или иначе как фактор, оказывающийся недостаточным основанием для того, чтобы отменить ситуацию, о которой сообщается в другой части» [Ляпон, 1986, с. 137]. Е. В. Урысон считает, что в уступительных конструкциях содержится идея обманутого ожидания, а «основанием ожидания является наше знание о мире, о причинно-следственных связях между разными ситуациями» [Урысон, 2012, с. 50]. А. А. Озонова, изучив сослагательное наклонение в алтайском языке, определяет, что это наклонение функционирует как в условных, так и в условно-уступительных конструкциях [Озонова, 2019]. Цель настоящей статьи состоит в установлении особенностей семантики и репрезентации уступительных отношений в татарском языке.

2. Структура и семантика уступительных конструкций [Structure and semantics of concession constructions]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материал исследования был извлечён из текстов татарской художественной литературы и малых жанров татарского фольклора. Языковые факты были получены методом сплошной выборки из эстетически значимых произведений татарских писателей I половины (из прозы Г. Ибрагимова, М. Галау) и преимущественно II половины XX века (из произведений И. Салахова, Г. Минского, М. Хусаина, М. Хасанова, Г. Галиева, М. Магдеева, М. Хабибуллина, Р. Зайдуллы). Всего было проанализировано 10 художе-

ственных и 7 фольклорных произведений. По этим произведениям была получена выборка из 76 фраз, содержащих уступительные конструкции. Для анализа собранных данных были применены метод лингвистического описания и структурно-семантический метод. Подстрочный перевод примеров на русский язык выполнен автором статьи.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Особенностью уступительных конструкций является присутствие в их семантике модальности, позиции говорящего. В отличие от причины, времени, уступительность нельзя отнести к базовым языковым значениям. «В типовых уступительных ситуациях сохраняются противоречия между основным (событие должно было бы препятствовать совершению определённого действия) и второстепенным событием (событие произошло вопреки этому препятствию). На этом основании уступительность квалифицируют как обратную обусловленность или инкаузальность – отсутствие ожидаемого следствия» [Губанов, 2016, с. 29].

Предложения типа *Дарескэ соңга калуына Алиянең кәефе кырылмады* – 'Из-за того, что опоздала на урок, у Алии не испортилось настроение' и *Дарескэ соңга калуына карамастан, Алиянең кәефе кырылмады* – 'Несмотря на то, что опоздала на урок, у Алии не испортилось настроение', на первый взгляд, синонимичны. Оба примера передают одинаковую информацию: Алия опоздала на урок, у Алии не испортилось настроение. Однако в конструкции с *карамастан* содержится субъективное мнение говорящего, для которого данная ситуация кажется неестественной: раз опоздала на урок, настроение Алии должно было испортиться, а этого не случилось (это предположение передаёт «обманутое ожидание»), ожидаемое следствие не осуществилось (у Алии не испортилось настроение). Таким образом, с помощью уступительной семантики фиксируется противоречие (несоответствие) не двух конкретных фактов, а типового представления говорящего о данных фактах.

Анализ языкового материала показал, что семантическая структура уступительных конструкций содержит невыраженный компонент – предполагаемое следствие. Уступительность по смысловому содержанию состоит из трёх частей, совмещает отношения основания-следствия и противопоставления. В противоречие между собой вступают при этом не условие (причина) и результат, а ожидаемое и неожиданное следствие, которые вытекают из одного и того же условия. Например:

Инде жәй житсә дә, көннәр салкын тора – 'Хотя уже лето, стоят холодные дни'.

Инде жәй житкәнгә, көннәр жылы тора – 'Так как уже лето, стоят тёплые дни' (Как известно, летом обычно дни бывают тёплыми).

Әле жәй житмәгәнгә, көннәр салкын тора – 'Так как ещё не лето, стоят холодные дни'.

Инде жәй житсә, көннәр жылы тора – 'Если уже лето, стоят тёплые дни'.

Әле жәй житмәсә, көннәр салкын тора – 'Если ещё не лето, стоят холодные дни'.

И, несмотря на всё вышесказанное:

Инде жәй житсә дә, көннәр салкын тора – 'Хотя уже лето, стоят холодные дни'.

Как видим, в уступительной конструкции присутствует имплицитное, невербализуемое логическое (ожидаемое) следствие (Уже наступило лето, следовательно, есть все основания, чтобы потеплело, но стоят холодные дни).

Уступительность передаёт семантику отсутствия ожидаемого следствия, несмотря на имеющиеся необходимые условия для его осуществления:

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп – 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

Бик салкын булганга, урамда йөрүчеләр юк – 'Так как очень холодно, на улице никого нет' (Как правило, когда бывает очень холодно, обычно на улице мало народа либо вообще улицы пустеют).

Жылы булганга, урамда йөрүчеләр күп – 'Так как тепло, на улице много народа' (Когда тепло, на улице бывает много народа).

И, вопреки вышесказанному:

Бик салкын булса да, урамда йөрүчеләр күп – 'Несмотря на то, что очень холодно, на улице много народа'.

В этом случае одно явление, закономерно стимулирующее другое явление, не препятствует осуществлению третьего явления. В рассмотренном выше примере холодная погода, как правило, стимулирующая опустение улицы, не привела к ожидаемому следствию и не стала препятствием для явления 'на улице много народа'.

Как видим, в языковой структуре категория уступительности реализуется с помощью уступительной ситуации. Основу уступительного значения составляет обратная обусловленность, которая состоит из события-уступки, предполагаемого следствия, действенной причины и противоположного предполагаемому фактического следствия.

Уступительная конструкция имеет сложную семантическую организацию, для которой характерно несоответствие планов содержания и выражения: по структуре двухкомпонентная конструкция семантически является трёхкомпонентной. В предложениях типа *Буран булса да, алар ерак юлга чыкты* – 'Несмотря на буран, они вышли в дальний путь' выражается неестественность сосуществования событий, которые, как правило, несовместимы друг с другом.

В качестве средств связи в уступительных конструкциях в татарском языке преобладающей является форма *-са да* (*-са* – аффикс условного наклонения глагола, *да* – частица). Следует отметить, что в этом случае, как правило, выражается реально-уступительная семантика. То есть в уступительном компоненте содержится представляющее собой реальное событие отвергнутое препятствующее основание. Например: *Кайтыр вакыт житсә дә, Илгизәрне ниндидер көч монда тотып торды* (М. Хәсанов) – 'Несмотря на то что пришло время возвращаться, какая-то сила удерживала Ильгизара здесь'.

Интересно отметить, что в редких случаях уступительная семантика образуется лишь при помощи *да/дә*. Например: *Бакыр зур да казан ямыйлар, алтын кечкенә дә түшкә кадыйлар* – 'Мал золотник, да дорог' (Пословица). Букв. 'Хотя медяк большой, им латают котёл, хотя золотой мал, его носят на груди'.

Уступительная семантика представляется и пословичными высказываниями. Таким конструкциям характерна темпоральная обобщённость, для реализации которой наиболее употребительны формы настоящего и неопределённого будущего времени. Например: *Буре баласын бүреккә салсаң да, урманга карый* – 'Сколько волка не корми, он всё в лес смотрит' (Пословица). Букв. 'Даже если положишь волчонка в шапку, он смотрит в лес'.

Уступительные отношения выражаются послелогом *карамастан*, *карамый* 'несмотря на...', 'невзирая на...'. В подобных конструкциях выражается категорическое несоответствие между событиями. При этом зависимая часть не может находиться в постпозиции и завершить предложение, как правило, занимает препозицию. Например: *Ара-тирә яшенле явымнарга карамастан, һавалар берьюлы рәхәтләнеп, жылынып киттеләр* (Г. Ибраһимов) – 'Несмотря на периодические грозные дожди, дни стали тёплыми'; *Төннең бик вакытсыз чагы булуга карамый, бала югалу турындагы хәбәр бөтен авылга таралып өлгергән иде* (Г. Галиев) – 'Несмотря на ночное время, весть о пропаже ребёнка успела распространиться по всей деревне'.

Сочетание *бернигә дә карамастан* 'несмотря ни на что' указывает на твёрдую уверенность, глубокое убеждение говорящего в том, что вопреки препятствующим обстоятельствам, событие осуществится, также в таких конструкциях присутствует оттенок сознательного допущения. Например: *Никадәр генә көчле булмасын, бернигә дә карамастан, сүзләр безне барыбер шушы канәфер чәчәкләренә китереп житкерергә*

тиеш иде (Г. Минский) – 'Какими бы ни были сильными, несмотря ни на что, наши слова всё равно должны были дойти до цветков гвоздики'.

При выражении уступительной семантики сочетанием *шулай да* 'всё же' подчёркивается существование одной ситуации, несмотря на другую препятствующую ситуацию: *Куңелемдә ике катлау, ике дулкын туды, шулай да тыштан сер бирмәскә тырыштым* (Г. Ибраһимов) – 'В моей душе родились два чувства, две волны, всё же снаружи я старался не подать вида'.

При репрезентации уступительных отношений формой побудительного наклонения, значения частей предложения противопоставляются, присутствует оттенок допущения. Недейственное препятствующее основание выступает в качестве предполагаемого факта, поэтому подобные примеры могут рассматриваться как выражающие уступительно-предположительную семантику: *Аның бүгенге көне нинди генә авыр булмасын, ул әле иртәгә якты сибеләсенә ышана* (И. Сәлахов) – 'Каким бы тяжёлым ни был его сегодняшней день, он ещё верит в светлость завтрашнего дня'.

В некоторых предложениях сообщается о совершении действия вопреки повторяемости, продолжительности действий. В таких случаях, как правило, безуспешность попытки реализации события связывается с мерой и степенью проявления предикативного признака, выражается количественно-уступительная семантика. Например: *Суны күпме кайнатсаң да куермас* – 'Из одной воды суп не сварить' (Пословица). Букв. 'Сколько не кипятить воду, она не загустеет'; *Ничә чәйнәсәң дә, бер балык башы* – 'Сколько ни говори, всё одно и то же' (Пословица). Букв. 'Сколько ни жуй – всё голова той же рыбы'.

Сочетание *ничек кенә булмасын* 'как бы то ни было' употребляется, если достоверность факта, который противоречит другому факту, не отрицается говорящим, он осознаёт возможность наличия и других мнений против второго факта. В таких случаях воздействующая сила препятствующих факторов на следствие может быть связана с обобщением. Тем не менее препятствующие обстоятельства являются недейственными для осуществления события-следствия. Подобные примеры можно классифицировать как выражающие усилительно-уступительную семантику, в них также присутствует намерение во что бы то ни стало, наперекор всем трудностям осуществить задуманное: *Ләкин бу вакыйга үзә ничек кенә шатлыклы булмасын, Сафалардан аерылу кайгысы Хәтирәне борчый иде* (М. Галәү) – 'Однако каким бы радостным ни было само это событие, печаль от разлуки с Сафой тревожила Хатиру'.

При использовании в уступительной конструкции слова *барыбер* 'всё равно' либо подчёркивается значение неизбежности осуществления тех или иных событий, процессов, явлений, либо указывается на возможность одной ситуации, так как субъект действия прикладывает усилия для нейтрализации возникающих препятствий. Например: *Тиздән ун яшь тула үзәнә, барыбер ераккарак барырга курка, ташибаш малай* (Р. Зәйдүлла) – 'Самому скоро исполняется десять лет, а он, мальчик-сорванец, всё равно боится уйти далеко'.

Отрицательная форма глагола, выраженная аффиксом *-ма/-мә*, может передавать уступительное значение. Например: *Күпме какма, ничек тикләмә, тайпылмадым туры юлдан мин* (М. Хәсәен) – 'Сколько ни притесняй, как ни пинай, я не сошёл с прямого пути'.

Уступительные отношения могут складываться и между компонентами, связанными между собой при помощи вопросительной частицы *-мы/-ме*. Важная роль в подобных конструкциях принадлежит лексическому наполнению компонентов, соотносённости значений составляющих частей: *Яңгыр яваммы, кармы, кояшмы-болытмы, сез шул көнне Сабантуй уздырыгыз!* (М. Мәһдиев) – 'Дождь ли идёт, снег ли, солнечно ли, облачно ли – вы проведите в этот день Сабантуй!'

Уступительная семантика может быть выражена с помощью деепричастной формы *-п* с частицей *да/дә* и без. Например: *Койма биегәюгә карап, ут күриеләр арасына*

куләгә ятмады (М. Хәсәнов) – 'Несмотря на то, что забор стал выше, между соседями не пролегла тень'.

Как отмечает Г. А. Мусатова, центральное место в семантической структуре поля уступительности занимает микрополе реально-уступительного значения. «Ближе к центру располагается микрополе уступительно-предположительного значения, на периферии находится микрополе усилительно-уступительного значения» [Мусатова, 2008, с. 12].

В составе уступительных конструкций могут употребляться противительные союзы, которые служат для усиления значения несоответствия, противоположности результата ожидаемому следствию. Сочетание противительного союза и уступительной формы выражает резкое противопоставление явлений: *Халык аның сүзләреннән эчен тотып кәлә, аларга карап Приск та кәлә, гәрчә шамакайның ни турыда сөйләгәннен аңла-маса да* (М. Хәбибуллин) – 'От его слов народ падает со смеху, смеётся и Приск, хотя и не понимает, о чём говорит шут'.

При этом необходимо отметить факультативность противительных коррелятов в подобных предложениях, так как они могут быть опущены без ущерба для смыслового содержания конструкций и не входят в состав структурно обязательных элементов предложения.

Уступительные отношения отличаются от противительных тем, что при выражении уступительности противопоставляющиеся факты логически взаимосвязаны, тогда как при противительности противопоставление фактов имеет свободный характер.

Бессоюзные сложносочинённые предложения могут передавать уступительную семантику. В первом компоненте подобных конструкций содержится сообщение об условии, во втором – сообщается о том, что осуществляется вопреки названному условию: *Эт өрер – бүре йөрер*. Букв. 'Собака лает – волк гуляет' (Пословица). Семантика уступки в подобных предложениях передаётся соотношением сказуемых, специфическим строением компонентов предложения.

Интересным представляется следующий пример, в котором нет каких-либо специализированных средств формального выражения уступительных отношений, содержится аффикс кондициональности, тем не менее, в предложении передаётся семантика уступительности: (1) *...Ашлык белән шылап тулган кузов брезент белән нык капланган*, (2) *яңгыр-фәлән яуса*, (3) *тамчысы да үтәрлек түгел* (Р. Зәйдулла) – 'Кузов, заполненный зерном, очень прочно покрыт брезентом, если будут дожди, и капелька не сможет попасть'.

Между вторым и третьим предложениями устанавливается эксплицитно выраженная кондициональная связь, однако между первым и третьим предложениями каузальная связь эксплицитно не выражена. Вся конструкция понимается как *ашлык белән шылап тулган кузов брезент белән нык каплангандыктан, тамчысы да үтәрлек түгел* – 'так как кузов, заполненный зерном, очень прочно покрыт брезентом, и капелька не сможет попасть'. Сказуемое предложения (2) выражено условной формой глагола, которая связывает данное предложение с главным (3). Однако, несмотря на наличие формального показателя условности, предложение понимается как *яңгыр-фәлән яуса да, тамчысы да үтәрлек түгел* – 'даже если (хотя) и будут дожди, и капелька не сможет попасть'. Данная семантика выводится из общего содержания сложного целого.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование, выполненное на материале примеров из текстов художественной литературы и фольклора татарского языка с применением метода лингвистического описания и структурно-семантического метода, позволило сделать следующие выводы. Во-первых, как правило, в уступительных конструкциях выражаются хронологические отношения одновременности и следования. Между тем, отношения следования формально

часто выражаются одним временным планом. В уступительных конструкциях присутствует дополнительная причинная сема, которая логически отменила бы вытекающее следствие, тем не менее, этого не произошло. Таким образом, следствие выступает полной противоположностью ожидаемого.

Во-вторых, проведённое исследование позволило выявить, что уступительность базируется на противопоставлении, формируется на основе каузальных, кондициональных, противительных значений. Семантическая связь, возникающая между ожидаемым следствием и фактическим результатом, порождает уступительность. При выражении уступительной семантики присутствует и промежуточное звено, которое, в отличие от исходного и результативного, находится в поле имплицитного. Такими образом, в ходе исследования, в соответствии с поставленной целью, были установлены особенности семантики и репрезентации уступительных отношений в татарском языке.

Библиографический список

- Азизова А. Г. Условный период в современном узбекском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952. 14 с.
- Апресян, 2015 – Апресян В. Ю. Уступительность : механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М. : Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
- Арнаутова, 2012 – Арнаутова А. Р. Крымскотатарские сложноподчинённые предложения с признаками противительности и уступки // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Т. 25 (64), № 2, Ч. 2. 2012. С. 97–101.
- Архипова, Шустова, 2021 – Архипова И. В., Шустова С. В. Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике. Пермь, 2021. 252 с. URL : <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/arhipova-shustova-mezhkatégorialnoe-vzaimodejstvie-v-funkcionalnoj-grammatike.pdf>
- Ганиев, 2015 – Ганиев Ф. А. Функциональная грамматика татарского языка. Казань : Пропаганда, 2015. 272 с.
- Гращенко, 2015 – Гращенко П. В. Тюркские конвербы и сериализация : синтаксис, семантика, грамматикализация. М. : ЯСК, 2015. 264 с.
- Губанов, Рец, 2014 – Губанов А. Р., Рец Н. И. Категория уступительности в русском и чувашском языках // Чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. С. 125–128.
- Губанов, Рец, 2016 – Губанов А. Р., Рец Н. И. Каузальность в ментальной организации национальной картины мира (на материале русского и чувашского языков). Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. 136 с.
- Ефремов, 2015 – Ефремов Н. Н. Уступительные конструкции в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 173–180.
- Исхакова и др., 2004 – Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А. Уступительные конструкции в тюркских языках // Типология уступительных конструкций. СПб. : Наука, 2004. С. 425–452.
- Ковальчук, Цыбенко, 2020 – Ковальчук Н. В., Цыбенко Э. О. Уступительная семантика в текстах интервью современных средств массовой информации (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Выпуск 1. С. 250–253. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.50>
- Кононов, 1960 – Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
- Кононов, 1980 – Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л. : Наука, 1980. 255 с.
- Ляпон, 1986 – Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М. : Наука, 1986. 447 с.
- Мусатова, 2008 – Мусатова Г. А. Семантика уступки : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Моск. гос. обл. ун-т. М., 2008. 21 с.

- Озонова, 2015 – Озонова А. А. Уступительные конструкции в алтайском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 62–70.
- Озонова, 2019 – Озонова А. А. Сослагательное наклонение в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1. Вып. 37. С. 74–83. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2019-1-74-83>
- Падучева, 2004 – Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Самситова, Сагынбек, 2020 – Самситова Л. Х., Сагынбек И. Ж. Сложноподчинённые предложения в башкирском и казахском языках // Российская тюркология. 2020. № 1–2 (26–27). С. 36–46.
- Урысон, 2012 – Урысон Е. В. Союз хотя и обманутое ожидание // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 1. С. 44–51.
- Храковский, 1999 – Храковский В. С. Универсальные уступительные конструкции // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 103–122.

References

- Azizova, A. G. (1952). *Uslovnyy period v sovremennom uzbekskom literaturnom yazyke* [Expressing condition in modern standard Uzbek]. PhD in Philological sci. diss. Leningrad. (In Russ.).
- Apresyan, V. Yu. (2015). *Ustupitel'nost': mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke* [Cocession: Mechanisms of formation and interaction of complex meanings in language]. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury Press. (In Russ.).
- Arnautova, A. R. (2012). Krymskotatarskie slozhnopodchinennye predlozheniya s priznakami protivitel'nosti i ustupki [Crimean Tatar complex sentences with adversative signs and concessions]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social communication], 25 (64), 2 (2), 97–101. (In Russ.).
- Arhipova, I. V., Shustova, S. V. (2021). *Mezhkategorial'noe vzaimodeystvie v funktsional'noy Grammatike* [Inter-categorical interaction in functional grammar]. Perm. Retrieved from <<http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/arhipova-shustova-mezhkategorialnoe-vzaimodeystvie-v-funkcionalnoj-grammatike.pdf>>. (In Russ.).
- Ganiev, F. A. (2015). *Funktsional'naya grammatika tatarskogo yazyka* [Functional grammar of the Tatar language]. Kazan : Propaganda Press. (In Russ.).
- Grashchenkov, P. V. (2015). *Tyurkskie konverby i serializatsiya : sintaksis, semantika, grammatikalizatsiya* [Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization]. Moscow : YaSK Press. (In Russ.).
- Gubanov, A. R., Rets, N. I. (2014). Kategoriya ustupitel'nosti v russkom i chuvashskom yazykakh [Category of concession in Russian and Chuvash]. *Chteniya, posvyashchennye dnyam slavyanskoj pis'mennosti i kul'tury* [Readings dedicated to the Days of Slavic Writing and Culture] (pp. 125–128). Cheboksary : Chuvash State University Press. (In Russ.).
- Gubanov, A. R., Rets, N. I. (2016). *Kauzal'nost' v mental'noy organizatsii natsional'noy kartiny mira (na materiale russkogo i chuvashskogo yazykov)* [Causality in the mental organization of the national picture of the world (Based on Russian and Chuvash)]. Cheboksary : Chuvash State University Press. (In Russ.).
- Efremov, N. N. (2015). Ustupitel'nye konstruksii v yakutskom yazyke [Concessive constructions in the Yakut language]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 173–180. (In Russ.).
- Iskhakova, Kh. F., Nasilov, D. M., Nevskaya, I. A. (2004). Ustupitel'nye konstruksii v tyurkskikh yazykakh [Patterns expressing concession in Turkic languages]. *Tipologiya ustupitel'nykh konstruksiy* [Typology of patterns expressing concession] (pp. 425–452). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Koval'chuk, N. V., Tsybenko, E. O. (2020). Ustupitel'naya semantika v tekstakh interv'yu sovremennykh sredstv massovoy informatsii (na materiale nemetskogo yazyka) [Concessive semantics in modern media texts of interview genre (By the material of the German language)]. *Filologicheskie nauki*.

- Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (1), 250–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.50>
- Kononov, A. N. (1960). *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Modern Uzbek standard grammar]. Moscow – Leningrad : Soviet Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Kononov, A. N. (1980). *Grammatika yazyka tyurkskikh runicheskikh pamyatnikov VII–IX vv.* [The grammar of Turkic VII–IX century rune monuments] Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Lyapon, M. V. (1986). *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: k tipologii vnutri tekstovyykh otnosheniy* [Semantic structure of a complex sentence and text: Towards the typology of intra-textual relations]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Musatova, G. A. (2008). *Semantika ustupki* [Concessive semantics]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Region State University. (In Russ.).
- Ozonova, A. A. (2015). Ustupitel'nye konstruksii v altayskom yazyke [Concessive constructions in the Altai language]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2, 62–70. (In Russ.).
- Ozonova, A. A. (2019). Soslagatel'noe naklonenie v altayskom yazyke [Subjunctive mood in the Altai language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 1, 74–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2019-1-74-83>
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Samsitova, L. Kh., Sagynbek, I. Zh. (2020). Slozhnopodchinennye predlozheniya v bashkirskom i kazakhskom yazykakh [Complex sentences in the Bashkir and Kazakh languages]. *Rossiyskaya tyurkologiya* [Russian Turkology], 1–2 (26–27), 36–46. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2012). Soyuz khotya i obmanutoe ozhidanie [Conjunction though and defeated expectancy effect]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences : Studies in Literature and Language], 1, 44–51. (In Russ.).
- Xrakovskij, V. S. (1999). Universal'nye ustupitel'nye konstruksii [Universal concessive constructions]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1, 103–122. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 12.10.2022.
The article was submitted 25.03.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 12.10.2022.